

ПАТРИЦИЯ
МЭТЬЮЗ

Сердце
язычницы

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

ПАТРИЦИЯ
МЭТЬЮЗ

Сердце
язычницы

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М97

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Patricia Matthews

LOVE'S PAGAN HEART

Перевод с английского *Е. Никитенко*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Pinder Lane &
Garon-Brooke Associates, LTD.

Мэтьюз, Патриция.

М97 Сердце язычницы : [роман] / Патриция Мэтьюз ;
[перевод с английского Е. Никитенко]. — Москва :
Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-174813-5

Жизнь гавайской метиски Лилиа Монрой внезапно меняется, когда ее силой увозят в далекий Лондон к богатой белой бабушке, где красавице предстоит нелегкая жизнь в высшем свете, в окружении зависти, сплетен и презрения к ее смешанной крови. Между тем и хищные родственники, охотящиеся за деньгами бабушки Лилиа, и кое-кто на ее родных островах готовы на все, чтобы девушка бесследно и навсегда исчезла. И единственный, кто приходит на помощь Лилиа, — мужественный и отважный Дэвид Тревелайн...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-174813-5

© Robert Thixton, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2025

Глава 1

С самого полудня барабаны отбивали ритм, похожий на биение гигантского сердца, ритм, на который нетерпеливо откликалось все существо Лилиа.

В полумраке хижины девушка была совсем одна, ее мать и другие женщины удалились, как только приготовления к свадебному обряду были завершены. Волосы и все тело Лилиа, щедро умащенные благовониями, маслянисто блестели, наготу прикрывала лишь новая капа, сотканная матерью для предстоящей церемонии.

Благодаря всем этим хлопотам девушка чувствовала себя как никогда прекрасной и полной жизни. Она молча ждала, лишь иногда бессознательно склоняя голову то к одному плечу, то к другому, чтобы ощутить шелковистое прикосновение своих волос, тщательно расчесанных и свободно падавших до самых бедер по обнаженной золотисто-смуглой спине.

Сквозь плетеные стены хижины проникал упоительный запах жареной свинины, и Лилиа жадно вдыхала его, хотя ни в прошлом, ни в этот день ей не разрешали отведать это кушанье. И свинина, и белое мясо акулы — табу для женщин.

И все же Лилиа знала дивный вкус жаркого. Ей не раз случалось тайком попробовать мясо и рыбу, и вовсе не из чувства голода, а из желания бросить вызов многочисленному табу. Большая часть их касалась только женщин, осложняя их жизнь и лишая множества удовольствий, доступных мужчинам.

Нарушала табу не только Лилиа, но и ее наиболее дерзкие подруги, несмотря на то что ослушание грозило тяжким наказанием, а порой и смертью.

Мужчины и их табу!

Мысли девушки невольно переключались от мужчин в целом к одному из них, Коа. Через несколько часов она станет его женой и будет счастлива. Плечи Коа так широки, что он вынесет тяжелое бремя власти, а руки достаточно сильны, чтобы побеждать в схватке с врагом и крепко обнимать ее. Эту ночь они проведут на ложе в хижине отдохновения...

При мысли об этом девушка радостно встрепенулась. Воистину боги милостивы к ней! Лилиа станет женой алии нуи, вождя и военачальника, ведь она и сама царственной крови. Ее мать — дочь вождя, да и отец был не из простых в тех местах, откуда явился на остров Мауи. Это означает, что союз с Коа угоден богам, поэтому они пошлют ей красивых здоровых детей, и сильная линия повелителей продолжится...

Дверь открылась, легкий сквозняк всколыхнул неподвижный воздух, запах благовоний усилился. Лилиа подняла голову и улыбнулась матери, чья высокая полная фигура заполнила почти весь дверной проем. Акаки ответила широкой радостной улыбкой.

— Готова, дитя мое?

Лилиа молча кивнула.

— Вот свежие цветы.

Акаки тяжело опустилась на колени, вынула чуть подвядший белый цветок из волос дочери и заменила его другим, а точеную шею украсила гирляндой, источавшей нежный, волнующий аромат. Сделав Лилиа знак подняться, она потуже затянула на ее тонкой талии новую капа и, наконец, протянула что-то на раскрытой ладони. Девушка увидела искусно вырезанную из дерева женскую фигурку на тонком кожаном ремешке.

— Это Пеле, — тихо сказала Акаки. — Она принесет тебе счастье и удачу, так же как моей матери и мне.

Девушка порывисто обняла ее и прижалась щекой к щеке в безмолвной благодарности. Когда Лилиа отстранилась, глаза ее были полны слез.

— И да буду я достойной женой и матерью, чтобы ты могла гордиться мной.

Акаки снова обняла дочь, благословляя ее, и они покинули хижину. После полумрака, в котором, по обычаю, невеста ожидала брачной церемонии, ранний южный вечер казался ослепительно ярким.

Лилиа ступила в свадебную лодку, украшенную гирляндами благоухающих цветов. Когда весла опустились в воду и судно не спеша отошло от берега, девушка испытала великое счастье и гордость. Да и могло ли быть иначе? Ведь она уплывала к прекрасному будущему, сулившему ей любовь Коа и почетную долю супруги вождя.

В назначенном месте гребцы подняли лодку на весла и понесли. Поскольку это было тяжелое, громоздкое сооружение из целого китового остова вместе с ребрами, для его переноски понадобилось восемнадцать крепких воинов. Лилиа гордо восседала рядом с матерью, как всегда, делившей ее триумф.

В стороне от смуглых золотокожих островитян стояли двое белых — единственных белых на всем острове.

— Это надо же: такие церемонии ради какой-то туземной сучонки! — вполголоса заметил худощавый. — Что скажете, ваше преподобие?

— Что не выношу бранных выражений, мистер Радд, — отозвался Исаак Джэггар.

— Если вы так пылко выступаете в защиту этой девчонки, то почему бы вам не поучаствовать в их языческом ритуале? — язвительно осведомился Эйза

Радд.

— Несмотря на низкую мораль и неверие в Господа нашего, Лилия Монрой остается созданием Божьим. Кроме того, туземная женщина все-таки женщина, мистер Радд, поэтому заслуживает уважения.

— Ах, ах! Куда нам тягаться в споре, ваше преподобие! — рассмеялся худошавый. — Уж вы и штучка!

Исаак Джэггар передернулся, но промолчал. Он считал Радда человеком вульгарным и к тому же безбожником, но ему приходилось мириться со столь неподходящим обществом, раз уж тот хоть отчасти сочувствовал делу обращения язычников к Богу. Более всего Джэггару претил противный кудахчущий смех Радда, которым он раздражался по любому поводу.

Этих мужчин, ни в чем между собой не схожих, связывала только общая цель. Радд, невысокий и тощий, отличался поразительной подвижностью. Очень темный загар дополнял его сходство с тараканом. По типу он походил на лондонского прощельгу. Джэггар, нескладный и угловатый, словно состоял из крупных тяжелых костей и выпирающих сочленений. Даже его крупный нос резко выдавался вперед на угрюмом лице. Двигался он неуклюже и медлительно и через слово сыпал цитатами из Библии. Зато Радд говорил на жаргоне лондонских низов.

— Где же все-таки Лопака? — недовольно спросил он. — Без него нам и шагу не ступить. Он обещал быть...

— И я здесь, Эйза Радд, — прозвучал гортанный голос сэди.

От неожиданности белые вздрогнули и быстро обернулись. Во внезапно наступившей тьме статный могучий туземец выглядел внушительно, почти пугающе. Американец Джэггар, увидев его, каждый раз вспоминал индейцев Великих равнин, ибо меднокожий Лопака с его черными, как угли, пронзительными глазами очень походил на них.

В нем ощущались дикость и скрытая жестокость изголодавшегося волка. Он не ведал сомнений, колебаний и милосердия. Иногда Джэггара смущало, что он заодно с таким человеком. Однако мысль, что пути Господни неисповедимы, успокаивала его. Если только такой союзник поможет добиться цели, значит, на то воля Божья.

Между тем Радд нетерпеливо обратился к Лопаке:

— Ну что? Все готово?

— Я готов, Эйза Радд, — ответил туземец своим глухим рокочущим голосом, подчеркнув слово «я».

На его могучем торсе не было ничего, кроме куса ткани, называемого у мужчин мало, но даже полунагой он выглядел величественно.

— Перед самым началом брачной церемонии я подам сигнал воинственным криком. Крикну только раз, поэтому держите уши открытыми.

С этим он двинулся прочь, и вовсе не крадучись, а неторопливым шагом уверенного в своей силе человека. Скоро Лопака исчез из виду, словно растаял в сгущавшемся мраке.

— Чтоб мне пропасть! — не удержался Радд. — От этого типа у меня мурашки по коже!

— Тем больше заслуги в том, чтобы обратить его к Господу, — благочестиво возразил Джэггар.

— Что? Лопаку? Да его разве только к дьяволу обратишь!

Подоспел назначенный час.

Лилия сделала шаг из хижины и оказалась в круге света, отбрасываемого сотней факелов. По другую сторону освещенного круга находилась еще одна хижина, точно такая же, как эта. Оттуда появился Коа. Он выглядел по-королевски в церемониальном плаще и богато украшенном головном уборе. В отблесках света украшения сверкали, как драгоценности.

Воцарилась полная тишина, даже барабаны умолкли, когда молодые люди двинулись навстречу друг другу. Медленно-медленно ступали они под свадебную песнь, которую завел высокий и чистый голос:

Небеса окутаны тьмой,
Тяжелы грозовые тучи,
Темные тучи на небосклоне.
Огненный вспыхнул столб,
И гром раскатился могучий,
Оглушительный гром небесный.

Эхом донесся он до Ку-хаили-ноэ,
До Хаи-лау-ахеа.
Озари, небесный огонь,
Женщину, что была одинока,
Словно горестный крик во тьме.
Она больше не будет одна,
Ей есть с кем делить свое ложе
В холодные зимние ночи.
Радость придет в Ку-хаили-ноэ,
В Хаи-лау-ахеа.
Светлеет небо над Хакои-лани,
Домом отдохновения,
Домом для новобрачных.
Здесь ждет их тихая пристань,
Ждет их гавань блаженства,
Светлый рай на земле...

Короткий крик перебил песню. Резкий и пронзительный, ледяющий кровь, он диссонансом ворвался в благоговейную тишину. То был воинственный клич, сигнал к атаке, и Лилиа узнала его, хотя на островах много лет царил мир.

Девушка замерла в нескольких дюймах от своего нареченного, едва сдержав испуганный возглас. Но она отчаянно закричала, когда из темноты позади

8 Коа вылетело оперенное копьё. Увы, Лилиа опоздала. Молодой вождь дернулся всем те-

лом, закинул руки за спину, пытаясь вырвать копьё, так глубоко вонзившееся в тело, что окровавленный наконечник вышел из груди.

Взорвавшись криками, толпа бросилась к оседавшему на землю Коа и закрыла его от Лилиа. Девушка, рыдая, попыталась пробиться к нему и на миг увидела, что Коа лежит на земле, но ее тут же схватили и оттащили назад. Ошеломленная случившимся, Лилиа не сразу осознала, как ее увлекли в тень под деревья. Когда же ей скрутили руки и перекинули через чье-то тощее плечо, сопротивляться стало поздно.

Похититель устремился прочь вместе со своей пленницей. Девушка извивалась, но ее держали точно клещами. Лилиа видела, как быстро удаляется круг света, и неожиданно ее охватило предчувствие, что она никогда больше не ступит в него.

Похититель между тем бежал рысцей, шумно, с присвистом дыша. Его тощее плечо причиняло Лилиа боль, но куда сильнее были муки душевные. Ее неотступно преследовало безмятежное, словно спящее лицо Коа. Постепенно девушка впала в тупое оцепенение.

Внезапно похититель остановился и сбросил девушку с плеча так небрежно, что она ударилась головой обо что-то твердое. Погрузившись в беспамятство, Лилиа, к своему счастью, забыла на время о душевной боли.

Очнувшись, девушка не сразу вспомнила, что с ней случилось. Возможно, она забыла бы и о том, как ударилась головой, если бы не боль в затылке. Открыв глаза, Лилиа увидела лишь кромешную тьму. Неужели она потеряла зрение?

Девушка лежала на дощатом полу, который слегка покачивался. Как и все островитяне, с детства знакомые с морем, Лилиа хорошо знала ритмичное дыхание широкой океанской груди. Однако

на сей раз она была не в каноэ. В прошлом девушке приходилось бывать на громадных судах белых людей, поэтому она догадалась, что находится в одной из самых нижних кают, где нет окон и куда не проникает дневной свет.

Ощупав пространство вокруг себя, девушка убедилась, что лежит на койке, не прикрытой даже тюфяком. Спустившись на чуть покачивающийся пол, она шагами измерила размеры своей тюрьмы. Каюта оказалась совсем крохотной, куда меньше хижины, которую Лилиа делила с матерью.

Мысль о матери тотчас вызвала в памяти вчерашние события, а вместе с воспоминаниями вернулась душевная боль. Лилиа бросилась на дощатую койку и закрыла голову руками, едва слышно повторяя: «Ауве, ауве!» — возглас горя и тоски у жителей Мауи.

Суждено ли ей еще раз увидеть мать? А Коа? Коа больше нет, он мертв и для мира, и для нее, предательски убит в спину!

Когда-то Лилиа услышала от своего отца англичанина Уильяма Монроя такие слова: «Дорогая моя, говорят, что человеку кроткому и добродетельному воздастся сторицей. Я бы сказал, это всего лишь теория. Она может воплотиться для тебя в жизнь, но если нет, не вини за это меня».

Ироничный Уильям Монрой за словом в карман не лез и частенько говорил горькие истины, однако у него было доброе и любящее сердце. Лилиа свято верила всему, что слышала от него и от матери, не раз повторявшей: «Наш народ придумал много нелепых табу, доченька, особенно для нас, женщин. А по мне, есть два главных закона жизни: не совершать того, чего будешь стыдиться, и не причинять вреда другим».

И Лилиа жила все семнадцать лет, следуя этим неписанным законам. Ни разу она не совершила постыдного поступка и, кажется, никогда еще

не причинила никому вреда. Так же жил и ее избранник, красивый и добрый Коа, и все же его убили, а ее похитили в ночь свадьбы!

Долго без слез оплакивала Лилиа свою утрату, пока из двери не заскрежетал ключ. Услышав этот звук, девушка села, обхватив колени руками.

На пороге она увидела мужчину, который, держа над головой масляный светильник, знакомым движением раскачивался на пятках. Когда Лилиа догадалась, кто это, сердце у нее упало. Свет, упавший на лицо мужчины, подтвердил ее догадку. То был Эйза Радд, тот самый белый, что дважды подходил к ней за прошедшие недели, выражал желание познакомиться поближе. Его манеры, развязные и наглые, оттолкнули девушку, поэтому каждый раз она поворачивалась к нему спиной.

Заметив ее реакцию, Радд гадко расхохотался.

— Что, принцесса, узнала? Я говорил, что легко от меня не отделаться! Когда со мной не хотят разговаривать, я добиваюсь своего, так-то вот!

— Зачем я здесь, Эйза Радд?

Тот поднял светильник еще выше, чтобы свет упал на полуобнаженное тело Лилиа.

Как и все туземные женщины, она носила только кусок ткани, завязанный на талии. Верхняя часть тела оставалась открытой. По понятиям белых, такая одежда была непристойной, но жители Океании пренебрегали мнением чужеземцев. Они не стыдились своего тела, тем более если были хорошо сложены. И уж если кто и мог гордиться своим стройным телом, так это Лилиа. Впрочем, девушка не отличалась тщеславием, хотя и сознавала, что у нее безупречно гладкая кожа, стройные длинные ноги, округлые бедра и высокая грудь. Роскошные, как у Акаки, волосы Лилиа темными волнами ниспадали ниже талии, лишь черты лица выдавали в ней полукровку.

У туземок были несколько приплюснутые носы, широкие ноздри, слишком полные, на взгляд европейца, губы и черные, как южная ночь, глаза. Все это смягчила кровь Уильяма Монроя. У Лилиа был прямой аристократический нос, полные, изысканно очерченные губы и удивительный цвет глаз. Восхищенный европеец назвал бы его медовым.

Угадывая в пристальном взгляде Радда что-то оскорбительное, но не умея определить, что именно, девушка поднялась с врожденным достоинством. Тревогу ее выдавали лишь пальцы, сжимавшие резную фигурку — подарок матери. Наконец девушка поняла, что впервые испытывает стыд под мужским взглядом.

Радд направился к ней. Его намерения не внушали сомнений.

— Чтоб мне пропасть, ты лакомый кусочек, девочка!

Страх Лилиа усилился, но она выпрямилась, расправила плечи и гордо вскинула голову.

— Посмей только коснуться меня, Эйза Радд! Клянись Пеле, ты пожалеешь об этом!

Он замешкался, поскольку помнил, какую силу и ловкость выказывала Лилиа во время состязаний туземной молодежи. Девушек она побеждала всегда, а в заплывах обгоняла и юношей, что не так-то легко в высоких волнах прибоя.

— Я человек деловой, — сказал Радд. — Прежде всего выгода, остальное потом. Только круглый дурак портит товар, на который может сыскаться хороший покупатель.

— О чем ты говоришь? Ведь ты не работорговец! Ты не продашь меня как рабыню!

— Чтоб мне пропасть, ну и выдумала! Конечно, я не работорговец, но за тебя можно выручить много и не продавая в рабство.

12 — Что у тебя на уме?

Радд погрозил девушке пальцем.

— Нет, моя любопытная малышка, пусть это будет для тебя сюрпризом.

С этими словами он направился к двери.

— Прошу тебя... — Лилиа, сама того не желая, последовала за ним. — Скажи хотя бы, сколько ты намерен держать меня в этой... этой клетке!

— В клетке, говоришь?.. — злобно рассмеялся Радда. — Советую тебе поскорее привыкнуть к этой клетке, потому что ты проведешь в ней очень долгое время. Настолько долгое, что... кто его знает... возможно, ты даже не отвергнешь кое-каких знаков моего внимания. Чтоб мне пропасть, ты поймешь, что я не так уж плох!

* * *

Лилиа проснулась от скрипа корабельной лебедки и оживленных мужских голосов. Легкое покачивание днища все усиливалось. Судно отходило от берега!

Девушка опустила на пол. Короткий сон не освежил ее, а между тем врожденное чувство времени говорило, что уже наступил рассвет. Охваченная отчаянием, она с минуту барабанила в дверь, но никто не явился на стук, и Лилиа лишь расшибла кулаки о крепкие тиковые доски.

До этого момента она не позволяла себе предаваться отчаянию, но теперь скользнула на пол и заплакала.

— Моха, — наконец прошептала девушка, прощаясь со всеми, кто был ей дорог: с матерью, которую не надеялась больше увидеть, с Коа, навеки потерянным для нее, с подругами и с Мауи, ее родным островом.

Чтобы не поддаться боли, Лилиа заставила себя думать о счастливом прошлом, об отце, теперь уже мертвом, о том, каким он увидел остров, впервые ступив на него семнадцать лет назад...

Если верить словам Акаки, в 1802 году белый человек был редким гостем на островах. Должно быть, и местные жители поначалу казались странными Уильяму Монрою, выходцу из Англии. Однако он легко приспособился к новому окружению, и туземцы вскоре привыкли к нему. Когда Лилиа подросла, он сказал ей:

— Я родился не там, где следовало, и в неподходящее время. Здесь жизнь, для которой я создан. Здесь нет ни поместий, ни унылой обязанности управлять ими. Только свобода — свобода есть, пить, созерцать, любить. Поверь, дорогая, если бы я знал, что существует на свете этот рай земной, то открыл бы его для себя гораздо раньше!

О да, Уильям Монрой был создан для острова Мауи. Скоро он стал любовником Акаки, потом мужем, а затем отцом ее дочери. Поскольку Акаки была из рода вождей, ее мужу не приходилось выполнять никаких обязанностей. Он удил рыбу и охотился только для собственного удовольствия, но чаще плавал в лагуне, нежился на горячем песке, потягивал легкий алкогольный напиток околеу, занимался любовью с женой.

Почти все жители деревни любили этого обаятельного человека, не говоря уж об Акаки. Супруги не сходились лишь в одном. Уильям Монрой желал, чтобы дочь получила хотя бы основы образования белых людей и научилась их языку. Акаки не считала это необходимым, но он возражал, повторяя снова и снова:

— Единственное, что я могу сделать для Лилиа, — это научить ее всему, что знаю сам, а знаю я немало. Даже слишком много, при том что образование никогда не занимало меня.

— Зачем нашей дочери знания белых?

— Мой тропический цветок, они необходимы ей, ибо недалеко то время, когда белые при-